

После того как буря, вызванная «метеоритным дождем» Цусимы Сюдзи, улеглась, Мори Огай, опасаясь, что Дазай Осаму снова начнет предаваться ненужным размышлениям, завалил его таким количеством заданий, что превратил этого «полубелого-получерного» юношу в лист бумаги, на котором от белизны осталось лишь крошечное пятнышко.

Будучи литератором, Цусима Сюдзи повидал немало человеческой слабости в военное время, но всегда оставался сторонним наблюдателем. Теперь же он постепенно превращался в соучастника. Тяжкие оковы мафиозных правил сковывали и Дазая Осаму, и его самого.

Выйдя из залитой кровью комнаты для допросов, Дазай Осаму не спеша взял белоснежный платок из дрожащих рук подчиненного и вытер брызги крови, случайно попавшие на него. В полумраке холодный блеск в глазах юноши в черном, его подчеркнутое равнодушие, склонившиеся перед ним в благоговении подчиненные, а затем внезапная, озарившая лицо улыбка, когда он взглянул на кого-то — все это было способно вскружить голову юной девушке, знавшей о тьме лишь понаслышке.

— Мисс Такаги, что вы здесь делаете? Это не то место, куда вам стоит приходить.

В глубинах сознания Цусима Сюдзи смотрел на девушку, чья отвага напоминала полет мотылька на пламя, и почему-то вспомнил собственную дочь. Он знал: в подпольном мире деньги, власть, плотские утехи — все это товар, опасный и хрупкий. Впрочем, если не лезть на рожон, обычным людям до тебя и дела нет. Однако в глазах Мори Огая, еще не успевшего прочно усесться в кресле босса, мэр Такаги — старый приятель покойного лидера, сотрудничавший с мафией пять лет, — стал помехой, которую пора было устранить.

— Дазай, не рань ее слишком сильно.

— С того самого момента, как доктор Мори запустил свой план, остановить его уже невозможно. Цусима, ты можешь просто закрыть глаза.

Столкнувшись с предостережением Дазая, Цусима Сюдзи понял, что перешел черту. В подпольном мире больше всего презируют мягкосердечие и нерешительность. Но ведь этому ребенку едва исполнилось пятнадцать-шестнадцать лет.

— А ты знаешь? Эта барышня, пользуясь своим происхождением и смазливый личиком, уже увела парней у многих своих одноклассниц.

Дазай Осаму, будучи вынужденным сожителем по одному телу, все же поделился с Цусимой кое-какими подробностями, от которых старик-консерватор пришел в полное изумление.

— Я не причиню ей вреда. Как только мэр Такаги уйдет в отставку, для его дочери это обернется разве что разбитым сердцем.

Последующие дни показали Цусиме Сюдзи, что значит настойчивость и что такое сила «денежных знаков». Блюда из краба от мишленовского шеф-повара, самые дорогие в мире бинты, черное пальто от именитого дизайнера, идеально подчеркивающее фигуру.

— Дазай, мне кажется, тебя содержат, — пробормотал Цусима Сюдзи, глядя на этот разгул роскоши и вспоминая трущобы Йокогамы. — Откуда у них столько денег?!

Дазай Осаму, смакуя деликатесы, доставленные морем с другого края света, проигнорировал девушку в нежно-розовом платье, которая, подперев подбородок, не сводила с него влюбленных глаз, и ответил:

— Взгляни на новые налоги, введенные в нашем городе, и все поймешь.

Цусима Сюдзи, которому доводилось помогать с написанием отчетов, был шокирован безумием мэра:

— Это налог на кладбища и налог на неестественную смерть?!

— Именно. Видишь, какой наш мэр милосердный? Он ведь внес огромный вклад в снижение уровня смертности в Йокогаме.

Дазай Осаму произнес эту черную шутку тоном, подобающим для панегирика.

— Предыдущий босс сошел с ума, что привело к массовым жертвам, а эти два налога позволили мэру раздуть свой кошелек в десять раз. Как тут доктору Мори не позавидовать...

Цусима Сюдзи, вытесненный из глубин сознания, сидел в роскошном ресторане. Глядя на сияющую богатством девушку, он почувствовал, как его желудок, только что принявший изысканные яства, скрутило от резкой боли.

— Дазай-кун, что с тобой? Невкусно? Тогда завтра я приглашу тебя в ресторан, где готовит один личный повар из Токио...

Слушая бесконечную болтовню девушки, Цусима Сюдзи мысленно отстранился. Он вспомнил строчку из своей последней прижизненной книги: «При первой же возможности истинное, пугающее лицо человека невольно обнажается в гневе».

Цусима Сюдзи был в ярости. Он злился на злодеяния мэра. Ему хотелось обрушиться на эту девушку с упреками, чтобы почувствовать свое моральное превосходство, но, видя ее влюбленный взгляд и слыша слова заботы, он мог лишь молча смотреть в окно на прохожих.

Серое небо, завывающий осенний ветер, оборванные дети в подворотне... Оказывается, этот

мир так же абсурден и жесток. И я никогда не избавлялся от своей трусости, ведь я видел, как творятся все эти ужасы, но предпочел сделать вид, что не слышу и не вижу. Если бы не этот случай, сколько еще я продолжал бы обманывать самого себя? Неужели я, когда-то мечтавший выразить свой протест через слово, теперь, став лишь призраком, от всего отказался?

Он вспомнил биографию Лу Синя, которую когда-то писал, и горько усмехнулся: самым самоуверенным был он сам.

Пора снова взяться за перо. Псевдоним будет Фейерверк: яркий, но мимолетный. Одно — как символ надежды, другое — как место упокоения.

Дазай Осаму, заметив, как Цусима Сюдзи словно переродился, медленно моргнул своими карими глазами. Какая ослепительная душа. Вместо того чтобы предаваться суевериям и искать способы изгнать его, лучше следовать методу доктора Мори: главное — быть при деле.

Пока некто, вернувшись в глубины своего сознания, обдумывал свою первую книгу в этом мире, Дазай Осаму добросовестно проводил мисс Такаги до дома. Черный лимузин медленно удалялся от поместья на окраине Йокогамы. Мэр Такаги, глядя вслед уезжающей машине, подозвал дворецкого. В движение пришел не только Мори Огай — зашевелилась вся Йокогама. Вопрос был лишь в том, кто окажется быстрее и удачливее.

Оставшись без «инструмента» в лице девушки, Дазай Осаму наконец вкусил плоды своей деятельности: работа закипела. Кофе стал его постоянным спутником, а офисное кресло — вторым домом.

Утреннее солнце, забравшись на лицо юноши, щекотало его, мешая спать. Под золотистыми лучами его ресницы дрогнули, но в следующую секунду он натянул одеяло на голову.

Бам!

Громкий звук распахнувшейся двери заставил Дазая вздрогнуть. Успокаивая бешено колотящееся сердце, он с мрачным лицом уставился на ворвавшегося Накахару Чую. Ха-ха, три дня без пакостей — и коротышка снова за свое. Ты покойник.

— Босс зовет. Живее, Дазай, пошли!

Игнорируя холод, пробежавший по спине, Чую бесцеремонно стащил Дазая с кресла.

— Я отказываюсь!

В роскошном кабинете Портовой мафии трое — Накахара Чуя, Дазай Осаму и Мори Огай — образовали равносторонний треугольник, в центре которого сидел босс за массивным столом.

— Дазай, ты ведь знаешь, сколько бед наделал своими выходками. Мне стоило немалых усилий и средств, чтобы все уладить.

Темно-красные глаза Мори, похожие на запекшуюся кровь, и иссиня-черные волосы выдавали остроту его ума. Несмотря на то, что ему было за тридцать, благодаря способностям он выглядел как двадцатилетний юноша, а черное пальто и загадочная улыбка служили ему отличным прикрытием.

— Я никогда не соглашусь на продажу авторских прав. Доктор Мори, вы должны знать, где проходит моя черта.

Дазай Осаму проигнорировал авторитет своего наставника. Мысль о том, чтобы превратить их с коротышкой прыжок с крыши в сериал, была невыносима. Его карие глаза, не мигая, встретились с красными глазами босса. Накахара Чуя, наблюдая за противостоянием учителя и ученика, мысленно поддержал Дазая.

— Чуя, с тех пор как я занял этот пост, люди предыдущего босса не перестают сомневаться во мне. А учитывая безумие моего предшественника, если так пойдет и дальше, наша казна опустеет.

Столкнувшись с аргументами босса и реальным положением дел в финансах, твердость Чуи пошатнулась. Но мысль о том, что фрагменты его жизни с этой скумбрией будут выставлены на всеобщее обозрение, заставила его снова стать непреклонным.

Дазай Осаму же, выслушав Мори, с интересом спросил:

— Сколько они предлагают?

— Сто миллионов долларов.

Услышав цифру, Дазай слегка прищурился. Он понял, что это лишь предлог. Хотя их прыжок с Чую и вызвал ажиотаж, способности доктора Мори не прошли даром — сейчас эта история уже не могла поднять большой волны. Скорее всего, это был завуалированный способ откупа и лести. Сначала вступление в организацию Накахары Чуи, теперь — демонстрация политического веса доктора Мори. Портовая мафия уже подмяла под себя всю изнанку города, и прозорливым политикам и бизнесменам пришло время выбрать сторону.

— Четыре на шесть.

Услышав слова ученика, Мори Огай почувствовал, как сердце сжалось от жадности. Как же этот паршивец умен! Но в то же время он гордился им — вот если бы только он не доставлял столько лишних хлопот...

— Ты — четыре, я — шесть.

— Ха, доктор Мори, вы, кажется, забыли про Чую. Шесть нам, четыре вам.

Чуя не понимал, к каким выводам пришел Дазай, но решил, что сейчас лучше остаться в тени — он не мог вмешаться в диалог наставника и ученика.

Мори Огай бросил взгляд на молчаливого Накахару, вспомнил о его успехах на службе и неохотно сдался:

— Ладно. Но задание, которое я тебе давал, ты выполнил?

— Почти всё. Осталось только одно — банкет семьи Такаги.

Мори посмотрел на своего ученика. Он не сомневался, что парень справится, но игра в «угадайку» была частью их отношений:

— Возникли какие-то проблемы?

— Мне не хватает спутницы.

<http://bllate.org/book/21039/2140389>